

Карина Пьянкова

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ

**ИЗ ЛЮБВИ К ИСТИНЕ
ЛОЖЬ ВО СПАСЕНИЕ**

ПРИКЛАДНАЯ НЕКРОМАНТИЯ

Карина Пьянкова

ТРИКЛАДНАЯ НЕКРОМАНТИЯ

Роман

Москва, 2012
 ARMA
&
«Издательство А.ЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П96

Художник
И. Воронин

Пьянкова К. С.
П96 Прикладная некромантия: Фантастический роман. —
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 313 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1044-6

Выбор места учебы — дело ответственное, но иногда выбор уже сделан за тебя, и остается лишь смириться и принять свою участь такой, какая она есть. Так и пришлось поступить эльфийскому принцу, волею судьбы оказавшемуся в рядах студюзов, постигающих искусство некромантии. Только никто не предупреждал, что практиковать придется задолго до получения диплома...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1044-6

© Пьянкова К. С., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ГЛАВА 1

Факелы чадили и мерно потрескивали. В их дрожащем свете тени на сводах пещеры казались уродливыми монстрами, готовыми напасть в любую секунду.

— Ты у меня встанешь! Встанешь! — приговаривала Релька, склонившись над мужским телом. Тело не проявляло к ее словам ни малейшего интереса.

Эх, хороший мужик ей достался, прямо загляденье. Я бы тоже от такого не отказался: свеженький, даже не окоченел как следует. Не то что мой экземпляр, неизвестно где и кем откопанный, — с меня десять потов сошло, пока я его разупокоил. Да вот только Релька, чудо наше белобрысое, и с таким первоклассным материалом практикум сдать не может. Силы — закачайся, а толку от этого — ноль.

— Эльдан, что с ним? — умоляюще взглянула она на меня.

— Реля, ты создала слишком сильный магический импульс и повредила парню мышцы.

— И что? — не поняла Релька. Весь семестр она благополучно прогуливала лекции и теперь не могла справиться с простым в общем-то заданием. С такой посещаемостью ее к концу года никто из наставников и в лицо-то узнавать не будет.

— С помощью этого ритуала ты его теперь сроду не поднимешь, здесь только «темный зов» поможет, который нам будут преподавать на шестом курсе.

— Эльдан... — заныла девушка, глядя на меня щенячьими глазами.

Может быть, на меня этот истинно женский способ дав-

ления и подействовал бы, но хилые Релькины мощи не позволяли воспринимать ее как существо женского пола.

— Даже не надейся! — отрезал я. — «Темный зов» используется для создания боевой нежити, а тебя просили сделать одного-единственного разнесчастного зомби.

Поднятый мною труп бодро ходил по периметру пещеры, иногда издавая какие-то странные звуки и буквально разваливаясь на ходу. Я сомневался, что зомби продержится до того момента, когда преподаватель соизволит проверить наши успехи, и поэтому старательно подпитывал мертвое тело энергией. Вечно мне подсовывают какую-нибудь тухлятину, мотивируя такое бессовестное отношение тем, что я, дескать, любого сумею поднять. Можно подумать, мне приятно возиться с воняющим, разлагающимся и ни на что не годным трупом... Но что поделать, приходится оправдывать репутацию потомственного некроманта в третьем поколении.

На первом курсе всем студиязусам старательно вколачивали в их пустые головы, что наличие или отсутствие предков, избравших для самосовершенствования магическую стезю, не играет совершенно никакой роли, но уже через полгода любой неуч знал: чушь полнейшая. Я был тому наглядным доказательством.

— Ну, студиязусы, посмотрим на ваши шедевры! — провозгласил мэтр Илис, материализовавшись посреди зала для практикумов. — И, Эльдан, остановите, в конце концов, вашего зомби, у меня уже в глазах от него рябит.

Мой покойник бодренько наворачивал круги по пещере, понемногу наращивая скорость.

— Мэтр, если я его остановлю, он развалится, — честно предупредил я.

— Ну и Тьма с ним, — махнул рукой преподаватель, как всегда, не желая проявлять излишнего внимания к моей работе. — Зачтено.

Я с облегчением разрушил ложный узор жизни в теле своего мертвяка. Тот с жалким чавканьем развалился на куски и осел дурно пахнущей склизкой кучей.

Мэтр огляделся и удрученно сообщил:

— Плохо, плохо, студиязусы! Великие темные маги древ-

ности поднимали армии мертвецов, а у вас один жалкий зомби в лучшем случае ползает. Не позорьте коллег по цеху!

Злые и уставшие студюзусы (практикумы всегда проводились по ночам, так как это самое удачное время для магии смерти, но вот только организм любого нормального человека считает, что по ночам нужно спать, а не дурью маяться) смотрели на старого мага, как упыри на младенца.

— Передача через неделю, — сообщил преподаватель и, не дожидаясь от группы ответной реакции, испарился в неизвестном направлении.

Ребята облегченно вздохнули и быстро расползлись по комнатам отсыпаться. Было уже четыре утра, а первую лекцию никто ради нас отменять, разумеется, не станет.

В половине десятого я с трудом продрал глаза и принялся расталкивать Анджея и Рема, одноклассников и друзей по совместительству, а процесс этот был трудоемким и опасным для здоровья: боевую магию нам начали преподавать еще с первого курса, и теперь любой недоучка мог с успехом засветить чем-нибудь не особенно приятным.

— Ребята! — гаркнул я что есть мочи. — Встать! У нас первой парой — этика!

Я неплохо насобачился поднимать мертвецов с помощью различных заклинаний, но самое действенное, на мой взгляд, заклятие: «У нас этика!» После этой фразы даже мертвый студюзус встанет и покорно потопает в аудиторию приобщаться к знаниям, которые щедро вбивала в бестолковые головы начинающих магов преподавательница Тэмар Гэнн. Это была приятная во всех отношениях дама, но у нее имелся один пунктик: она не прощала студюзусам даже малейшего пренебрежения к своему предмету. А еще мэтресса Гэнн обожала устраивать внеочередные проверки посещаемости. Соответственно желающих пропускать ее лекции не находилось. «Этику» нам усиленно преподавали в течение трех лет, надеясь таким образом предотвратить нежелательные эксцессы в поведении будущих мастеров смерти. Вообще-то некроманты срывались ничуть не чаще любых других магов, но почему-то считалось, что именно выпускники нашего факультета представляют наибольшую опасность для общества. Вот только воспитание нравствен-

ности в будущих магах смерти было довольно сложным делом, поскольку «Этику» нам читали параллельно с «Основами жертвоприношений» и «Теорией и практикой ритуального мучительства».

Первым от подушки оторвал сонную помятую физиономию Ремуальд, лучший студент курса и староста нашей четвертой группы. Каштановые волосы торчали «ежиком» в разные стороны, на лице отпечатались складки ткани, глаза — мутно-зеленые, толком не продранные, но взгляд уже довольно осмысленный для человека, который спал всего четыре с половиной часа. Поднявшись с кровати, Рем тут же осчастливил пинком Анджея, непредусмотрительно повернувшегося лицом к стене и тем самым оставившего задницу без защиты. Тот неуклюже дернулся, перекатился на кровати и грохнулся на пол, помянув при этом всю свою родню и отдельных Ремовых родственников.

Едва нарисовалась наша троица, коридоры сразу опустели. Обычная история. Студенты других факультетов, завидев некромантов, шарахались в сторону, суеверно сплевывали через плечо и исчезали различными способами. Представляю, какое впечатление производит толпа худых, неестественно бледных, одетых во все черное парней. Однако черное мы носили потому, что цвет немаркий и одежду проще стирать (лучше и не пытаться вообразить, в чем может испачкаться некромант во время практических занятий), а худыми и бледными были от постоянного недосыпания и недоедания. По ночам частенько приходится учиться, а мало едим мы исключительно из разумных соображений. Любой студент, обучающийся на нашем факультете, знает, что лучше не принимать пищу перед лекциями, перед семинарами, перед практикумами и перед подготовкой домашнего задания. Все равно в желудке ничего не удержится. Так что нормально питаться удается крайне редко. Мы исходим из объективных причин, а не из пристрастия к мрачной кладбищенской эстетике. Любой светлый маг после недели активных ночных упражнений будет выглядеть точно так же, если не хуже. Мы-то уже привычные и в обморок падать перестали уже на первом курсе, а если и падаем иногда, то из-за переутомления, а не от ужаса, как некоторые чисто-

плюю. Был у нас как-то совместный практикум по упокаиванию, так большинство студентов из группы светлых боевых магов полегли в неравном бою с тошнотой. Остальные картинно свалилась без чувств. Слабаки.

Надо сказать, что все нелюди, кроме темных эльфов, являются приверженцами Света и не желают обучаться темной магии в принципе, а темные эльфы сторонятся межрасовых учебных заведений вроде нашего.

— Счастливый ты, Эльдан, — вздохнул Анджей, убирая с лица светлую гриву, которую давно пора было укоротить. — Ты хоть высыпаться более-менее успеваешь. Хорошо быть эльфом.

На самом деле не высыпался я точно так же, как и остальные. Запас прочности Перворожденных я исчерпал еще на первом курсе. С тех пор страдаю наряду со всеми, просто не считаю нужным об этом сообщать.

— Ты лучше представь, как кривят рожи многочисленные родственники, когда я упоминаю о своем месте учебы, — весело фыркнул я. — Сразу осознаешь, что принадлежать к Перворожденным — это не такая уж и радость.

— И я их вполне понимаю, — отозвался Рем. — Светлый эльф-некромант, да еще и принц, — просто нонсенс.

Это точно. Эльфы, что светлые, что темные, совершенно не обладают способностями к некромантии. То ли магический узор изначально идет с каким-то дефектом, то ли покровительствующий нам Светлый Единорог что-то учудил, но эльфы не только не умеют пользоваться магией смерти, но вообще имеют со смертью странные отношения: не разупокоиваются, не зомбифицируются, вирусы оборотничества и вампиризма их тоже не берут. Разве что в качестве жертвы для какого-нибудь ритуала сгодятся, да и то не для всякого. Поговаривают, будто эльфы, которых угораздило по какой-то глупой случайности умереть, даже перерождаются по-особенному, но точные сведения по данному вопросу отсутствуют.

— Первым подобным нонсенсом была моя мама, так что я пошел по проторенной дорожке, — беззаботно отмахнулся я, скрывая приступ раздражения.

Сказать по совести, мне порядком надоело постоянное

изумление окружающих относительно моей специализации и места обучения. Вообще-то приличный светлый эльф королевского рода должен обучаться серьезным наукам у себя на родине и негодовать при одном упоминании о Тьме. Увы, приличный эльфийский принц из меня не получился. Дед по отцовской линии говорит, что все дело в дурном влиянии моей бабки, принцессы Гиры, которая в свое время тоже обучалась магии смерти, причем в той же самой Академии, где сейчас грызу гранит науки я. Бабушка обычно коротко, но доходчиво объясняет деду, куда он может засунуть свои инсинуации. Ее королевское высочество принцесса Гира, супруга наследного принца Нимлоссэ, вообще умеет доходчиво доносить до оппонента свою точку зрения в максимально некорректных выражениях, а спорить с женщиной, которая способна поднять всех покойников в радиусе четырех лиг, мало кто решается. Это, знаете ли, чревато летальным исходом.

Однако браку моих родителей бабушка противилась изо всех своих немалых сил. Но вряд ли кто-то справится с влюбленными, если оба молоды и, как следствие, глупы. Мама, принцесса Мириэль, вышла замуж, как того и желала, а в итоге оказалось, что права была все же бабушка... Семейное счастье родителей продлилось недолго, по крайней мере, я его уже точно не застал. Наследный принц Эриан мало интересовался женой и сыном. О том, что этот высокомерный эльф — мой отец, вспоминали исключительно на официальных мероприятиях, а в остальные дни мое воспитание было уделом матери и орды учителей. Фактически отцом я мог считать Айаллэ, лесного демона, когда-то принесшего принцессе Мириэль клятву служения. Похоже, чувства Айаллэ были сильными и имели мало общего с уважением к королевской особе. Только этим я могу объяснить ту беспрестанную заботу, которой окружал меня демон все эти годы. Да, он любил мою мать, но как истинный рыцарь никогда не давал повода для подозрений в непочтительности. А принцесса Мириэль, на свою беду, блюла честь.

— Нет, вот скажи по правде, тебе действительно нравится вся эта возня с трупами, а? — в тысячный, наверное, раз со дня знакомства спросил меня Рем.

— Угу, — покладисто согласился я.
— Но это же неэстетично!
— Угу.
— Они воняют!
— Угу.
— И тебе все равно это нравится?
— Еще как! — весьма убедительно соврал я.
— Ты ненормальный! — вынесли вердикт одноклассники.
— Совершенно точно, — легко согласился я. — А сами-то зачем в некроманты подались, раз это так противно?
— Ну... — неуверенно протянул Рем. — Это круто!

Стайка завидевших нас девиц-целительниц в мгновение ока рассыпалась в разные стороны. К слову сказать, после трех лет обучения моя хваленая красота, которой так славится эльфийский народ, тоже изрядно потускнела.

— М-да... Они, видимо, придерживаются другого мнения, — заметил я, с некоторым сожалением глядя вслед удирающим девушкам. А ведь хорошенькие.

Никакой личной жизни в стенах Академии мне с моей будущей профессией не светило. Единственным возможным вариантом могла бы стать девушка с моего факультета, но смотреть на эти ходячие скелеты не было никакого желания. И неважно, что я сам слегка похож на мумию... Зато я самая привлекательная мумия в этом учебном заведении!

— Что эти курицы вообще понимают в магии? — возмутился Анджей, украдкой вздыхая. — Некромантия — наука будущего.

— И после таких заявлений вы еще спрашиваете, почему я оказался на нашем факультете, — ухмыльнулся я.

— Ну ты — совсем другое дело. Ты ж у нас венценосная особа, тебе по статусу не положено.

Я выразительно фыркнул:

— Ребята, в наших краях принцев куда больше, чем это необходимо, так что обращать внимание на каждого — накладно. Издержки долгой жизни. Я не наследник трона, так что имею право делать все, что хочу.

Да, я всего лишь сын наследника, то есть второй в очереди на уютное кресло с высокой спинкой. Ни дед, ни отец уходить за Последние Врата — тьфу-тьфу — вроде бы пока

не собираются, так что трон — это нечто из области ну совсем нереального да и ненужного. Какой трон? Мне диплом хотя бы получить.

— Вот именно! — воскликнул Рем. — Ты принц, ты мог бы иметь все, что только пожелаешь! Это же просто мечта! Но вместо этого ты возишься с трупами! Это же уму непостижимо!

— Может, у меня были совсем другие мечты, — пожал плечами я.

Например, я хотел, чтобы мама развелась наконец с этим заносчивым снобом, который поучаствовал в моем появлении на свет. И чтобы заодно этот сноб утратил возможность влиять на мою жизнь.

Да и смешные у друзей представления о счастливой жизни. Как будто торчать всю жизнь в Рассветном лесу под неусыпным присмотром родственников — это великое благо. Жизнь принца — это этикет, этикет и еще раз этикет. Кроме того, сюда следует добавить перспективу династического брака неизвестно с кем, творимые по расписанию подвиги (принц обязан поддерживать авторитет династии и свой собственный) и обязанность поддерживать репутацию непорочного и добропорядочного молодого эльфа. Принц обязан быть образцом мужества и благородства для всех и каждого... Некромант же имеет право совершать поступки, руководствуясь сугубо личными соображениями, а это огромное преимущество. Поэтому я и выбрал незавидную стезю мага смерти, наплевав на засахаренно-радужные перспективы жизни очередного отпрыска королевской семьи. Перспективы некрманта были мрачными и не слишком хорошо пахли, но воодушевляли свободой выбора. Да, именно так.

— Студиозусы!

Перед нами неожиданно возник молодой маг — замдекана по воспитательной работе, которого за глаза называли не иначе как Злобным Сусликом. Его подлинное имя не вспомнил бы, мне кажется, и сам декан. Однажды кто-то из студентов на выпускном вечере — напоследок, так сказать — обласкал этим прозвищем наставника, и с тех пор оно прилипло намертво. Суслика не любили, как не любят

кликуш, и в своей непопулярности замдекана далеко обо- гнал начальника. Он редко появлялся с хорошими вестями, а вот гадкие сообщал с завидной регулярностью.

Мы замерли и старательно изобразили энтузиазм, кото- рый должен, по идее, появляться на хмурых физиономиях при встрече студентов с представителями деканата.

— Кто из вас минувшей ночью проводил ритуал экзорцизма на кладбище в селе Коровки? — грозно спросил Суслик.

— Что?! — слаженно удивились мы.

— Да у нашей группы ночью вообще был практикум по разупокоению! — едва не задохнулся я от праведного возму- щения. — Какой экзорцизм?! Мы даже не выпались тол- ком!

— А что там с кладбищем? — проявил любопытство Анд- жей.

— Несколько безответственных учащихся нашего факу- льтета пытались изгнать призрак Черной Тещи, который появлялся на кладбище каждую ночь. Их авантюра не увен- чалась успехом: вместо того чтобы упокоиться, Черная Теща получила свободу передвижений и теперь терроризи- рует три сельские семьи!

— То есть доводит до сердечного приступа зятьев? — пы- таясь сдержать улыбку, спросил я.

— Именно! — всплеснул руками маг, не разделяя моего веселья. — Так, значит, никто из вашей группы не мог при- нять участие в этом безобразии?

— Совершенно никто! — заверили мы и едва ли не впри- прыжку направились в лекционную.

Суслик, причитая себе под нос, побежал дальше.

— Интересно, кто это пытался так подзаработать? — за- дал Анджей риторический вопрос.

— Да, накрылся гонорарчик-то, — осклабился Рем. — Небось «безутешные» зятья попросили кого-то из наших окончательно спровадить тещу на тот свет, а тут такая неза- дача.

Кем бы ни был совершивший ошибку неудачник, все равно его жаль. Студиозусам-некромантам редко подвора- чивается возможность заработать, а уж так бездарно упус-

тять подвернувшиеся деньги — действительно надо быть неудачником.

— А я не понимаю, как можно было напортачить с простеньким ритуалом экзорцизма, — язвительно фыркнул я.

— Да уж, с таким даже Релька управится зараз, — согласился со мной Анджей. — Может, призрак сильный оказался. Если Черная Теща была третьего уровня...

— ...то она бы спокойно шастала по селу и его окрестностям, — перебил я однокашника. — А Суслик сказал, что до проведения обряда привидение не могло выходить с территории кладбища.

— Может, там просто сильные охранные чары наложены, — предположил Рем.

— Не-а, — покачал головой Анджей. — Я в Коровках был. Кладбище как кладбище, магией даже не пахнет.

Оказавшись в лекционной, мы с умным видом уселись за парту и замолчали. Привлекать внимание мэтрэссы Гэнн было чревато проверкой конспектов, а Анджей их принципиально не писал, обычно используя мои или Ремовы.

Аудитория замерла в ожидании лектора и, по-моему, даже дышала через раз. Правда, из дальнего угла доносился тихий храп. Наверняка кто-то из третьей группы. У них ночью были практические занятия по темным ритуалам, а такого даже врагу не пожелаешь, ребят, скорее всего, мучили до самого рассвета. Надеюсь, у мэтрэссы Гэнн хватит совести не будить бедолаг.

Лекция по этике, как всегда, была нудной и тянулась невыносимо долго. В конце концов, рука уже автоматически водила пером по бумаге, поскольку голова отказывалась принимать в процессе хоть какое-то участие. Примеру третьей группы последовала первая и часть нашей, четвертой, ребята из второй отдувались за весь курс, всеми силами изображая интерес и жажду знаний. И пускай — этих счастливых минувшей ночью не трогали. Преподавательница, хвала Тьме, была так увлечена собственным рассказом, что в упор не видела вповалку спящих студизусов. Оказывается, иногда даже некромантам везет, хотя обычно именно нашему факультету достается великая честь лицезреть ту часть тела, на которой Судьба сидит.

— Итак, студиозусы, есть ли у вас вопросы? — привычно поинтересовалась мэтрэсса Гэнн. Ответом ей было недовольное бурчание учащихся, спешно засовывающих в сумки конспекты, перья и чернильницы.

Вопросов мы не задавали никогда, не желая давать преподавателям возможность пуститься в пространные объяснения в счет нашего свободного времени. С нас хватает и того, что из-за учебных мероприятий мы спим по три часа в сутки и не можем смотреть на пищу без рвотных позывов.

— О чем она сегодня говорила? — сдерживая зевок, спросил Рем.

— О принципе меньшего зла, — отмахнулся Анджей.

— И что? — не уяснил смысла фразы однокашник.

— В общем, это тот самый принцип, из-за которого нас еще не везде сажают на кол и забивают камнями.

— А... Ну тогда ясно, — кивнул Рем. Он явно ничего не понял, но нарваться на дальнейшее обсуждение материала не стал. Вот еще. Этику сдавать только через месяц, так на кой ляд мозги засорять?

— Может, позавтракаем в кои-то веки? — предложил Анджей. — У нас вроде бы следующей парой лекция по всеобщей истории магии и колдовства.

— Не выйдет, — ответил я. — Мэтр Кассиан уехал в командировку, и вместо истории у нас дополнительная лекция по ритуальному мучительству.

— ...! — одновременно выдохнули оба моих друга. — А раньше предупредить нельзя было? Мы бы тогда не стали ужинать.

— Да ладно, может, уже все успело перевариться, — неуверенно предположил я.

— Ничего, скоро узнаем, — обреченно произнес Рем.

Вышеозначенный предмет даже как чисто лекционный курс вызывал у студиозусов непередаваемые ощущения, заставляющие желудки совершать невероятные кульбиты и расставаться со своим содержимым. А уж когда пошли практические занятия... Человек двадцать с нашего курса вообще испарились в неизвестном направлении, до сих пор так и не появившись.

Еще в начале второго года обучения старшекурсники пе-

редали нам величайшую мудрость факультета, накопленную многими поколениями наших предшественников и бережно хранимую на протяжении веков: особую дыхательную технику, которая позволяла если не сохранить пищу в желудке, то хотя бы не дать последовать внутренностям на свободу вслед за неперевавшимся обедом. Не самое приятное времяпрепровождение — слушать, как правильно загонять в жертву ножи, крючья, иголки, под каким углом, как поворачивать, чтобы боль была наиболее сильной... Как вспомню, так тошно становится. А ведь нам еще зачет сдавать. И не только на овеществленной иллюзии. Для нужд факультета некромантии королевские тюрьмы регулярно поставляют в Академию некоторое количество приговоренных к смерти узников. Они-то и являются рабочим материалом для зачетов по ритуальному мучительству и жертвоприношениям. А живодерни присылают животных. Особенно часто для некромантских обрядов используются кошки всех мастей и возрастов.

Все это, конечно, жутко, отвратительно, но такова наша будущая профессия, и никто не в состоянии изменить ее специфику. А сама по себе некромантия — магия полезная и необходимая, причем так считают абсолютно все, иначе бы всех, даже самых завалающих мастеров смерти, давным-давно отправили бы на костер. Хотя некромантов и так частенько убивают не самыми приятными способами: обычно самосуд вершат селяне, люди темные и необразованные, искренне считающие, будто их выходки угодны Светлому Единорогу. Вот только вряд ли воплощение Света нашего мира может быть в восторге от того, что озверевшая толпа разрывает на части одного-единственного мага, хоть и темного.

— Добрый день, студиозусы, — как обычно, радостно поприветствовал аудиторию мэтр Вансел.

Каким образом этому преподавателю при его-то специализации удалось сохранить нездоровый оптимизм и неплохое, пусть и странноватое чувство юмора, было никому не известно. Вансел вел себя дружелюбно, в ссоры не вступал и вообще, как казалось, обладал легким, незлобивым нравом. Но при этом ни один из магов-преподавателей не осмели-

вался в открытую противоречить мэтру Ванселу хоть в чем-то. И именно этот факт наводил на мысль, что показная благостность этого некроманта имеет не слишком большое отношение к истинным свойствам его натуры. Нет, до сего момента этот странный тип еще никого не подверг пыткам без официального на то разрешения, но вот взгляд у него всегда был хищно-оценивающий, как у паука, который снисходительно взирает на мух, кружащих в опасной близости от его паутины.

На пожелание «доброе дня» народ, по своему обыкновению, старательно промолчал, потому что на нашем факультете день, равно как и ночь, добрым не бывает.

— Итак, сегодня мы с вами...

Даже предполагать, о чем пойдет речь на этой лекции, не хотелось, к тому же реальность всегда оказывалась хуже обещаний. Нам уже объясняли, для каких ритуалов лучше всего подходят девственницы, для каких — младенцы... и далее по списку. Высшая некромантия не бывает ни чистой, ни милосердной.

Из аудитории мы не вышли, а вылетели со скоростью пушечного ядра, сметая все на своем пути. Конечным пунктом был туалет, и тот студент, который не успел бы в это великое место вовремя, запачкал бы пол в коридоре (а это администрацией не поощрялось), испортив себе репутацию до конца учебы. Как выяснилось, ни у Анджея, ни у Рема ужин все-таки перевариться не успел, и они долго прощались с его остатками. Двум девушкам понадобились нюхательные соли, коими я щедро поделился. Я таскаю с собой в сумке небольшую аптечку, в которой не переводятся обеззараживающие зелья (мало ли с какой дрянью придется возиться), бинты, нюхательные соли и нашатырь, средство надежное, проверенное, но оставляющее непередаваемые ощущения после применения.

— Слушай, а ты-то почему нормальный?! — искренне возмутились зеленовато-бледные друзья, недовольно взирая на более-менее бодрого меня.

— Не знаю, — тоже удивился я, только сейчас понимая, что сегодняшняя лекция не произвела на меня сильного деморализующего эффекта. — Но мне вообще-то всегда

было не так паршиво, как вам. В конце концов, у меня мама и бабушка — некроманты, я с детства привык к подобному.

— Да, парень, ну и поганое же было у тебя детство, — хмуро пробурчал Анджей.

На самом деле детство мое было замечательным. Меня вечно перетаскивали из Рассветного леса в Закатный, к бабушке Гире и дедушке Нимлоссэ. В Закатном лесу мне нравилось гораздо больше, чем в чопорной обители моих родственников со стороны отца. Ее королевское высочество принцесса Гира за долгие годы замужества многое сумела изменить в устоявшихся и скучных традициях королевства своего супруга.

Эта женщина всегда была для меня загадкой, которую я так и не сумел разгадать. Самым удивительным казалось то, что на этой вспльчивой, резкой, неусидчивой и язвительной особе по какой-то прихоти судьбы женился эльфийский принц и живет с ней по сей день. Причем живет благополучно и счастливо. Просто невозможно представить себе менее похожих друг на друга супругов. Дед — царственно сдержанный, спокойный. Даже если бы он ходил в лохмотьях, по его гордо поднятой голове и неестественно идеальной осанке любой понял бы, что перед ним принц. А рядом с ним — неугомонная, вечно встрепанная бабушка, в которой было слишком много энергии, чтобы она могла позволить себе такую роскошь, как величественное спокойствие.

Не могу сказать, что я сразу проникся любовью к некромантии и страстно желал обучаться этому виду магии. Поначалу я пришел в откровенный ужас, осознав, чем занимаются моя мать и бабка. Да и вряд ли какой ребенок мечтает возиться с трупами, а уж тем более взывать к силам смерти... Я хотел стать самым обычным светлым магом-воином, как отец и дед, спасать прекрасных дев, побеждать злобных монстров, и надеялся, что когда-нибудь даже сумею убить дракона. Хотя бы одного, не слишком крупного, все же великого воителя из меня не получилось бы.

Учителя годами бились со мной, пытаясь впихнуть в мою венценосную головушку знания, необходимые для того, чтобы стать великим воином... Не вышло. Так, боец среднего пошиба. К тому же выяснилось, что по какой-то непо-

нятной причине мне недоступна магия Света. Абсолютно. Даже в самом простом своем проявлении. Когда дед со стороны отца, повелитель Рассветного леса, узнал об этом, его едва удар не хватил. Он закатил безобразную истерику моей матери Мириэль и предъявил претензии бабке и деду — дескать, подсунули королевскому дому Рассветных эльфов негодный товар. Скандал был жуткий, но что можно было сделать, если принц Эльдан уже родился и даже благополучно дожил до тридцати лет? До этого узнать о моем дефекте было невозможно: у эльфов магический узор формируется к пятидесяти годам (можно сказать, отставание в развитии по сравнению с другими расами), но я же не чистокровный, вот и получил доступ к магии раньше положенного срока. Все-таки в наличии человеческих генов есть некоторые преимущества. Ко всему прочему, я был признан совершеннолетним уже в шестьдесят, а не в девяносто-сто лет, как принято у эльфов.

— Бр-р, — помотал головой Анджей. — Кошмар какой-то. Не представляю, как я буду применять эти знания на практике.

Это он о лекции по ритуальному мучительству. Да уж, после подобных занятий нормальные студиязусы ночами спать не могут, а мы ничего — вот отдохнем немного и будем как новенькие.

— Да сдашь ты этот несчастный коллоквиум, — отмахнулся я. Опять Анджей начинает истерить по поводу того, что ничего не знает и уж точно ничего не сдаст.

— Я не о коллоквиуме, — тихо и как-то обреченно сказал однокашник. — Я о практике.

Мы промолчали. Бывают вещи, о которых просто не хочется разговаривать. Так люди стараются не называть волка волком, а говорят «серый»... Кажется, что пока не произнесешь это проклятое слово, ничего не случится и все будет хорошо.

— Да ладно, может, тебя еще отчислят, — вздохнул Рем, пытаясь хоть как-то утешить друга. Но вышло несколько неуклюже.

Анджей считался энтузиастом на нашем факультете. По крайней мере, так полагали все, кроме нас с Ремом. Было в

этом парне что-то, что давало основания считать его кандидатом на отчисление. У нас никогда не выгоняли за неуспеваемость, и ни один из учащихся не уходил сам — если уж хватило духу поступить на этот факультет, то хватало духу и на нем учиться... К тому же некромантов всегда было чуть меньше необходимого количества, и при таком раскладе упустить даже одного способного ученика — это преступление. Просто...

Просто в какой-то момент к студюзусу мог подойти преподаватель и будничным тоном сообщить, что он больше не учится на нашем факультете и должен перевестись на любой другой по своему желанию. На первом курсе мы еще не понимали принципа этого странного отбора и искренне считали подобные действия откровеннейшим произволом деканата... На втором уже начали улавливать некоторую закономерность. На третьем поняли: выставляли тех, кто *не сможет*. Что конкретно не сможет, представлялось еще смутно, но ощущение неуверенности и неустойчивости, чувствуемое в некоторых, говорило о том, что этим студюзусам не следует становиться мастерами смерти, так будет лучше для всех. Иногда такая неустойчивость чувствовалась и в Анджее.

— Может, и отчислят, — согласился приятель. — Но я не уверен, что хоч этого.

— Тут решение зависит не от тебя, — вздохнул я.

Меня-то с факультета точно не отпустят, даже если я буду прорываться с обнаженным мечом. В первый же день обучения у меня состоялся очень познавательный разговор с деканом, во время которого я узнал многое о себе и своей семье. В том числе выяснилось, почему мне неподвластна обычная магия светлых эльфов.

— Ладно, хватит мучиться ерундой, лучше поспим пару часов, а то ночью погонят на кладбище, призраков классифицировать, — махнул рукой на все проблемы Рем.

— Надеюсь, это не то кладбище, где обосновалась Черная Теща? — во весь рот ухмыльнулся я.

— Нет, мы отправимся туда, где обитает Любвеобильная Невеста, — хрюкнул однокашник. — Вот будет тебе прият-

ная встреча. Невеста так равнодушна к эльфам, особенно к блондинистым!

— Не напоминай, — горестно простонал я. — Эту дуру бесплотную даже заклинания третьего порядка не берут. Мощная, зараза.

Так уж получилось, что, на свою беду, я представляю собой классический образчик (хоть и слегка поблекший за годы учебы) затаенной девичьей мечты: златоволосый синеглазый принц. И даже белый конь в конюшне имеется, злющий жеребец, к которому я порой боюсь подходить, — одному Единорогу известно, где бабушка Гира достала это чудовище. Если бы я не носил на груди медальон студента факультета некромантии, не одевался в помятую черную одежду и не был бы столь вопиюще костляв, то все девушки нашей Академии были бы моими. Ужас... Я, конечно, ничего не имею против девушек, но не в таком же количестве! Тем более что юные особы, узрев перед собой воплощенную мечту, не размениваются на мелочи, а сразу же пытаются затащить избранника в храм и совершить свадебный обряд. Нет, брак — дело весьма неплохое, но я для этого еще слишком молод, к тому же не думаю, что родственники обрадуются, если я заведу себе пару сотен жен. Да и как я справлюсь с такой толпой?!

Вот и призрачная девица, имевшая несчастье почить накануне собственной свадьбы, с какого-то перепугу решила облагодетельствовать меня своим вниманием, и теперь все практические занятия на кладбище, где обитала Любвеобильная Невеста, были похожи на переполох в больнице для умалишенных. Я старательно пытался окончательно отправить в загробный мир эту стерву, преподаватели вопили, чтобы я не трогал ценного призрака (все-таки такой сильный экземпляр — большая редкость), ценный призрак почему-то никак не переселялся за Последние Врата... Полный идиотизм.

— К Дракону всё, — устало и недовольно поморщился я. — Спать!

Наша комнатуха в общежитии была самым родным и спокойным местом из всех, что я знал. Занимали мы ее втроем с друзьями, хотя комната была рассчитана на четве-

рых. К нам упорно пытались подселить еще кого-нибудь, но любой пробовавшийся на место нашего соседа позорно сбежал после двух суток совместного проживания. К нам засылали и будущих коллег, и ребят с факультета светлой боевой магии, даже предсказателя подсунули (тот напророчил, что конец света начнется именно в нашей комнате, и удрал проситься на постой к алхимикам). И чего они все так боятся? Ну мертвый хомяк исправно крутит свое колесо круглые сутки (черный юмор Рема), ну пентаграмма нарисована посреди комнаты — так она нерабочая, демоны из нее уже не выходят (это уже я на спор чертил, до сих пор как вспомню — так вздрогну), ну холодильный шкаф охраняется привидением, подселенным Анджеем... Что тут такого? Обычное дело, мы же некроманты. Вон девчонки из соседней комнаты зомби пятого порядка на посылках держат — и все нормально. До того момента, пока они его на этаж целителей с поручениями не посылают. У бедных борцов за здоровье после встречи с чудом современной некромантии запахи успокоительных зелий заканчиваются. В общем, нормальная жизнь нормальных студиязусов ненормального факультета.

Повалились спать и вырубались мы одновременно. Привыкли. Если с нашим образом жизни не научишься засыпать мгновенно, то рано или поздно свалишься от истощения. О предстоящем через четыре года выпускном мы просто мечтали: возможно, после получения диплома наш график станет более приемлемым, чем тот, что мы имеем сейчас.

Сны мне снились беспокойные. Наверное, их условно можно было бы назвать кошмарами, но для студента нашего факультета сновидения с душераздирающе кричащими персонажами — это мелочь, на которую уже и внимания особого не обращаешь. Как-то во время жертвоприношения других звуков жертвы и им сочувствующие не издают. Издержки профессии.

Утро наступает всегда слишком рано. Даже если это день, неумолимо приближающийся к вечеру.

— Подъем!!! — заорал над самым моим ухом Злобный Суслик.

Я подскочил на постели как укушенный. Еще не до конца проснувшийся мозг пытался сообразить, по какой причине нас так не вовремя разбудили. Идеи проносились одна бредовее другой, начиная с мысли о пришествии Черного Дракона, заканчивая версией об отчислении.

— Вы где были час назад?! — почему-то именно из меня начал выбивать признание замдекана.

— Здесь, — пробормотал я, пытаюсь скрыться от наставника под подушкой. Ну совесть-то у него есть? И так целую неделю спим урывками.

Подушку у меня отобрали, и миру явилась моя помятая заспанная физиономия во всей своей эльфийской красе.

— Эльдан, ты и твои друзья покидали территорию общежития? — странным тоном спросил у меня маг.

— Если ни у кого не было приступа лунатизма, то не покидали, — чуть не вывихнул челюсть в зевке я, отворачиваясь к стене.

— Точно? — не унимался замдекана.

— Келе, прибей его, а? — раздалось со стороны кровати Анджея.

Рем одобрительно всхрапнул.

Келе — это тоже я. Айаллэ, верный рыцарь моей любимой матери, дал мне второе имя, как было принято у его народа. Честно говоря, это прозвание нравилось мне куда больше пафосного эльфийского Эльдана, что означало «дар звезд». Келе — ветер, причем дарующий надежду. Среди демонов такое имя считается почетным. Так что я гордился им и просил друзей называть меня именно так.

— Эльдан!

Суслик в число друзей не входил.

— Да не покидали мы эту комнату! Хоть у вахтера спросите и сигнальные чары на дверях проверьте!

— А то я не знаю, что, когда вам нужно, вы из общежития испаряетесь не хуже привидений!

Я совершенно не понимал, к чему клонит наставник. Ну даже и удрали бы мы с ребятами погулять, так это что, преступление?

— Да что стряслось-то? — в конце концов не выдержал я.

— Не знаешь, стало быть, — то ли мне, то ли самому себе сказал преподаватель.

Что я должен был знать и почему я об этом должен был знать, известно только Дракону с Единорогом, но уж никак не замученному учебой эльфу. Я хотел было донести до Суслика эту мысль, но... позорно отключился.

— Твое высочество, а что там такое было, а? — позевывая, спросил меня за полчаса до практикума Рем.

— Да Суслик прискакал, спрашивал, не отлучались ли мы куда-нибудь. Как будто мы физически могли хоть куда-то выползти...

Анджей неодобрительно фыркнул. Прерывать сон некроманта — это нарушение неписаных правил поведения мастеров смерти. Нам и так редко выспаться удается.

— Надо бы проверить, не сгорел ли главный корпус, — рассмеялся Рем. — Впрочем... С чего бы это на нас подумали? Мы еще ничего не сжигали.

Ключевым словом было «еще». Мы, трое, многое делали, чтобы Академия не могла спать спокойно. Но, разумеется, не только мы. У всех ребят с нашего факультета очень сильна тяга к розыгрышам, давно ставшая притчей во языцех, а уж имея под рукой практически ничем не ограниченное количество мертвых тел, которые нам с дорогой душой поставляет муниципалитет близлежащего городка (гораздо выгоднее подsunуть останки нам, чем хоронить за собственный счет), мы развлекались с удовольствием и огромной фантазией. Впрочем, никого из объектов шуток не съели и не увезли в больницу для умалишенных... Так что наши забавы можно считать вполне невинными. К тому же так развлекались не только некроманты: чего стоил голем, которого соорудили ребята с кафедры магии земли... Нормальный такой голем. Вот только не надо было его создавать в непосредственной близости от нужника... Маги-недоучки хватали чуть больше землицы, чем рассчитывали... и творение их благоухало, как нечищенный скотный двор.

— Да Дракон с ним, — хмыкнул я, натягивая поверх штанов и рубашки, в которых спал, традиционную черную робу.

Зеркала в комнате не было, поэтому моя утонченная эльфья натура не могла в полной мере осознать всю убо-

гость застиранных тряпок, которые я на себя напялил. Ну и хвала Единорогу.

— Ну что ж, принимай нас, родное кладбище, мы идем! — радостно провозгласил Анджей, выходя из комнаты.

Для некроманта любое кладбище — что дом родной. Стоит только мастеру смерти попасть на погост — и справиться с ним становится куда сложнее, причем дело даже не в том, что он может поднять «обитателей» этого места, но и в том, что лучшей подпитки, чем на кладбище, нам нигде не получить. Здесь даже самый захудалый некромант может много чего веселого натворить. И... действительно веселого, кстати говоря. Любого мага в его месте силы накрывает подлинная эйфория, и он начинает дурить. Помнится, в последний раз подобного рода событие произошло, когда мы с ребятами учились на первом курсе. Подвыпивший студент-выпускник после сдачи квалификационных экзаменов приперся на деревенский погост, и после его визита покойники не просто выкопались из могил, но еще и танцевали непотребные танцы. Скандал в Академии и ее окрестностях был жуткий, но никто не пострадал, как ни странно.

Наша группа сползлась к крыльцу общежития, откуда нас должен был забрать наставник. Пятнадцать будущих магов-людей и один нелюдь, то бишь я. Все до единого выглядят как батраки в конце рабочего дня: вымотанные, измученные, раздраженные. Ну что поделать, издержки профессии.

Мэтр появился минут через двадцать, когда вяло ругающиеся студизусы начали грозиться разойтись по комнатам. Выглядел наставник преступно бодро.

— Четвертая группа? — хорошо поставленным голосом спросил новоприбывший.

— Ага, — вяло отозвались мы, поглядывая на преподавателя с некоторой долей плотоядности. Его нам только вчера торжественно представил милорд декан. Наставник буквально на днях прибыл в Академию, молодой еще, непривычный... Грех не воспользоваться.

Кто-то особенно пакостливый, кажется Эдвин, попытался навесить на нового наставника «полуночный сглаз», милое заклятие, пробуждающее у нежити страстный инте-

рес к проклятому, но мэтр, не глядя, отразил удар. Группа уважительно хмыкнула и простила ему опоздание. Но и от коварных планов никто вроде бы не отказался. Рем, надежда современной некромантии и гордость факультета, и тот очень уж подозрительно шевелил пальцами. Ну не заговор же от поноса он произносил, правда?

— Эльдан, будьте добры, проследите, чтобы никто не отстал по дороге, — сразу нашел крайнего в моем лице наставник.

— А почему я?

— Вас я точно ни с кем не спутаю, — язвительно отозвался мэтр.

Рем, судя по довольной ухмылке, тем временем уже сделал свое черное дело.

Я злобным взглядом обвел соучеников, давая понять, что я с ними сделаю, если они посмеют куда-то смыться. Меня постоянно заставляют заниматься такими вещами... Ужасно. Иногда просто ненавижу форму своих ушей. Если в толпе людей есть один-единственный эльф, то его гарантированно запомнишь.

Честно говоря, никакого восторга по поводу предстоящего общения с привидениями я не испытывал. Призраки — они вообще какие-то странные, если можно так выразиться о тех, кто уже мертв. Все мании и фобии, которые у человека имелись при жизни, после кончины расцветают таким пышным цветом, что даже представить сложно. Взять хотя бы Любвеобильную Невесту... Эх, ладно, Единорог с ней.

До кладбища мы дошли относительно быстро. Уже стемнело, но луна еще была довольно низко. Самые лучшие часы для некромантии, благословенное время, сейчас ни один светлый маг добровольно не стал бы связываться с представителями нашей братии, слишком много сил дает ночь мастерам смерти. А что может быть опаснее для темного, чем встреча с воинственно настроенными светлыми? С нежитью-то мы худо-бедно умеем справляться.

— А где Невеста? — задался вопросом Рем, когда мы зашли на погост.

Мертвой девицы и правда почему-то не наблюдалось.

А ведь этот призрак на меня кидался, едва я успевал ступить на кладбищенскую землю.

— А кого мы собираемся классифицировать? — спросил Яся, оглядывая окрестности.

Никого не было видно, но проблема не в этом: приведения и прятаться могут, мало ли какая придузь найдет. Вот только ни одной эфирной сущности даже не ощущалось, что весьма настораживало. Зато...

— Народ, а чего это земля дрожит? У нас здесь вроде землетрясений не бывает, — озадаченно произнесла Релька и испуганно ойкнула.

Что ж, мерзавец сделал свой первый шаг. Точнее, первый шаг, который будет замечен не только тому, кто много лет наблюдает за его действиями с терпением паука, ждущего, когда муха сядет на его паутину. Легко списать одного-двух человек, пропавших в окрестных деревнях, на волков, разбойников или что-то еще, столь же трагичное, но не выходящее за рамки обыденности, но вряд ли возможно проигнорировать то, что сейчас творится на обычно тихом и спокойном кладбище, куда на выгул выводят неумех с младших курсов.

Маг поднялся из кресла, пару раз повернулся в пояснице, разминая занемевшее от долгого сидения в одной позе тело, и плавно перетек в иной облик. Он не мог допустить, чтобы целая группа студюзусов просто так сгинула. Нет, вмешаться он планировал лишь в самом крайнем случае, который вполне может и не наступить, все же «четверка» была самой перспективной группой на своем курсе, к тому же самой слаженной, но находиться рядом просто обязан.

ГЛАВА 2

Когда почва на кладбище начинает вибрировать, обычно ни о чем хорошем это не говорит. Только о плохом. Или об очень плохом.

— Студюзусы, спокойно! — осадил нас мэтр. Точнее, попытался осадить. Не вышло, потому что в голосе настав-

ника отчетливо слышалась истерика. Да и какое там «спокойно»? Мы уже и сами начали тихо паниковать и строить планы, как свалить из этого места. — Спокойно! — еще раз повторил старший маг. — Я сейчас посмотрю, что случилось.

Наставник прикрыл глаза и с дорогой душой сунулся в местные энергетические потоки. Вообще-то так обычно и делают, но в данной ситуации этот подход показался мне несколько неоправданным. Как говорит дядя Дима, брат моей бабушки: «Зачем проверять, подключен ли оголенный провод к сети, хватаясь за него руками?» Нет, что такое провод и сеть, я не уяснил, но смысл все же понял. Чего ради подставляться, если можно использовать окольные пути? По словам моего человеческого родича, если схватиться за оголенный провод, то можно умереть. Мэтр же просто вырубился, картинно упав на ближайшую могилу.

А земля начала вибрировать еще сильнее. И теперь, по-моему, даже Алану, самому нашему «нечуткому» некроманту, стало ясно, что покойники просто-таки рвутся наружу. Пока их кое-как сдерживала сила местного жреца, старика ответственного, который лично заклинал все могилы и гонял со своей вотчины студиозусов, собравшихся похулиганить... Но такой защиты явно надолго не хватит.

— ..., ... и еще раз ...! — дрожащим шепотом выдал я. — Это ведь было самое спокойное кладбище в округе! И тут не хоронили уже лет семь!

— Эльдан, слышала бы твоя почтенная бабушка, как ты выражаешься, — прохрипел посеревший лицом Анджей.

— Ты просто не знаешь, что она сама говорит в подобных ситуациях...

Вот тебе и рядовой практикum... Конечно, массовое спонтанное разупокоивание — это не конец света. Данная проблема вполне разрешима, но не для студиозусов-третьекурсников. Мы еще только-только освоили принципы работы с мертвой плотью.

— Вы чего замерли, как овцы?! — воззвал к нашему разуму, а заодно и к инстинкту самосохранения Рем. — Уйти уже не успеем! Живо круг делаем, придурки!!!

Рем — староста группы, и именно в такие критические моменты он вспоминает о своих обязанностях.

— Пентаграмму бы, — проблеяла Инга.

— Дура! Как ты засунешь в пентаграмму столько народу?! Кру́гом обойдемся!

— А соль? — хлопнула глазами Релька. — У нас же нет ни крупицы!

— У меня есть! — поспешил обрадовать я соучеников и извлек из своей сумки необходимый предмет.

— Келе, ты ходячий склад, — облегченно выдохнул Рем, принимая у меня мешочек. — Так, я обвожу солью, Инга чертит по земле, Келе заговаривает. Анджей, Яся, затащите сюда мэтра.

— А может, ну его, а? — с энтузиазмом предложила Ялли, самая кровожадная наша барышня.

— Он нам еще пригодится.

ТЬмой клянусь, когда Ремуальд начал орать и раздавать указания, все будто отмерли разом и даже трястись стали не так сильно. Вот что значит харизматичный лидер с тяжелой рукой. Управились за пять минут. Дольше всех возился я, пытаюсь сделать магический элемент понадежнее. Задача не самая легкая, если учесть, что защитные ритуалы мы еще не проходили. Впрочем, Рем знал, кто на что способен, а у меня к некромантии был истинный талант, и иногда я вытворял такое, о чем знать не мог в принципе.

Защита вышла, конечно, не ахти какая, но это было определенно лучше, чем совсем ничего.

К тому моменту, когда мы закончили возиться, по земле уже зазмеились трещины, а кое-где даже показались конечности нежити.

— ...! — выругался Эдвин. — Да это же модификанты!

Модификантами у нас называли немертвых, в которых доля магии была свыше пятидесяти процентов. Обычно подобные твари оказывались более живучими, сообразительными и быстрыми, чем стандартные поднятые, которые из-за хрупкости мертвой плоти были весьма уязвимы.

— А ты чего ожидал? Здешние трупы, по идее, должны были давно разложиться, — пробормотал я, во все глаза гля-

дя на происходящее вокруг нас. Некоторые твари уже успели выкопаться.

— А разве модификанты появляются при спонтанном разупокоивании? — растерянно спросила Инга, не сводя круглых глаз с нежити.

— Крайне редко, — отозвался Эдвин, не так давно защитивший курсовую работу на эту тему. Паршивая была курсовая, но что-то в голове у парня осталось. — Таких случаев — один на тысячу.

— Народ, не это главное, — прервал научный диспут Рем. — Здесь деревня под боком. Как вы думаете, куда наши жмурики попрутся ужинать?

— Тут же охранные чары на ограде, — недоверчиво произнес Яся.

— Так они и на могилах были, — пессимистично парировал я. Но и дураку понятно: если нежить полезла из-под земли, как первоцветы из-под снега, то уже ни о какой магической защите погоста можно не говорить.

— Отлично. И что тогда делать? — поставил вопрос ребром Анджей.

Все повернулись в сторону Рема.

— «Боевку» нам уже давали, — неопределенно пожал плечами тот.

Увидев по выражению наших физиономий, что мы нуждаемся в более определенных указаниях, староста передернул плечами, но честно принял командирскую позу и выдал план действий на эту ночь:

— В общем, в местные потоки не соваться, сгорите — выкинем мертвякам. Работаем в стандартной связке «источник-клинок», косим всех, кого можем. Из круга ни ногой, за чужой кретинизм все отвечать не должны. Ялли и Анджей, вы стоите на нашей защите. Постарайтесь, чтобы нас не сожрали. Келе, попробуй что-нибудь придумать с защитой кладбища, чтобы эти твари не разбегались. Кир, страхуй остроухого и подпитывай, если что. Всем все ясно?

Мы кивнули и приступили к выполнению указаний. Что там творили ребята, я не видел, только на уровне «магического зрения» ощущал. Для надежности решил сесть на землю и зажмуриться, дабы ничто не отвлекало от кладбищен-

ской защиты. Конструкция была хорошая, надежная, создавал явно мастер, вот только поизносились слегка — ну так я для того здесь и торчу, чтобы немного ее освежить.

Одногруппники вокруг орали заклинания и ругательства. Мертвяки возмущенно ревели. Мэтр, который лежал на земле рядом со мной, признаков жизни все еще не подавал. Как предусмотрительно с его стороны...

Определенно, это будет долгая и веселая ночь.

Утро — жуткое время суток для студента-некроманта, но мы ждали рассвета с нетерпением. Утром, может быть, кто-то из наставников заметит наше отсутствие или хотя бы как-то отреагирует на творящиеся магические безобразия в непосредственной близости от стен Академии. Одногруппники явно начали выдыхаться, а я так просто чуть не умирал от усталости и истощения магического резерва. Однако с гордостью могу сказать, что ни один немертвый за ограду кладбища не вышел. Правда в круг парочка прорвалась, и мы били их с криками и визгами. Моя аптечка, к сожалению, пригодилась, но серьезно никого не покалечили.

И только когда на небе показалось солнце, приперлись наставники. К тому времени мы уже не знали, что хотим сделать с ними — убить или расцеловать на радостях.

Тех жмуриков, которых мы еле-еле сдерживали в течение ночи, квалифицированные некроманты покروшили эффектно и быстро за какие-то десять минут. Не знаю, как остальные, а я почувствовал себя настоящим неудачником.

Среди наших спасителей обнаружился и всполошившийся сверх меры декан, у которого тряслись и щеки, и два подбородка, и объемное брюхо. Он тут же принялся нас пересчитывать, заодно осматривая на предмет возможных травм. Мы же сбились в кучу, как выводок котят, и чуть ли не обнюхивали друг друга, пытаясь удостовериться в том, что все живы и все на месте. Когда окружающий мир не слишком балует любовью, поневоле тянешься к стае и относишься к ней, как к своей семье.

— А где ваш мэтр? — спросил наконец декан, убедившись, что драгоценные студиозусы целы и почти невредимы.

— А там, под кустом лежит, — отмахнулся Рем.